

ПРОШЛОЕ
ВСПОМИНАТЬ
ОПАСНО

*Он поднял оружие и
выстрелил в сидящего
эксперта. И в этот же
момент услышал смех.
Убийца обернулся...*

Чингиз Абдуллаев

Забывший
сон

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев
Забывтый сон
Серия «Дронго», книга 58

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178939
Забывтый сон: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34548-9*

Аннотация

Тщательно подготовленное преступление расследовать очень трудно. А если оно произошло одиннадцать лет назад, то разоблачить преступника почти невозможно. Арманд Краулинь покончил с собой – такова официальная версия. Но его жена не сомневается – его убили. Она обращается к эксперту-аналитику Дронго. Никаких улик, свидетельствующих о хладнокровии и расчетливом убийстве, нет. Кроме, пожалуй, одной маленькой вещицы, которую она отдает Дронго.

Содержание

Вместо вступления	4
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чингиз Абдуллаев

ЗАБЫТЫЙ СОН

*Известно мнение одного ирландца,
что Бог, чей разум никогда не спит,
хранит в себе любое сновиденье,
и каждый сад, и всякую слезу.
Неверный день, и полутьма повсюду.
Пойми я, что осталось ото сна,
который снился мне, и что в нем
снилось, я бы понял все.*

Хорхе Луис Борхес «Забывтый сон»

Вместо вступления

Обычно все начинается с телефонного звонка, который разрывает тишину и переводит время в другое измерение. И на этот раз, когда зазвонил телефон, стало понятно, что кто-то уже знает о его возвращении в Москву...

Он прилетел из Рима прямым рейсом «Аэрофлота». Вообще в последнее время его привычки вдруг стали претерпевать неожиданные изменения. Раньше он предпочитал летать в Рим только «Люфтганзой» через Мюнхен или Франкфурт. Кроме известной немецкой авиакомпании выбирал еще и «Бритишайруэйз», однако в последние годы стал пользоваться и другими авиакомпаниями, лишь бы добраться по

прямой из одной точки в другую. Правда, не всегда короткий путь оказывался наиболее удобным. В последний раз в августе самолет «Эйр-Франс» вылетел из Мадрида с трехчасовым опозданием и попал в невероятную «болтанку». В салоне невозможно было устоять на ногах. Он попытался подняться и чуть не упал. Рядом кричали и плакали пассажиры. Некоторые молились. Рейс из Мадрида в Париж показался в связи с этим невероятно долгим, а когда они наконец приземлились, выяснилось, что пропал его чемодан. Чемодан нашли через несколько дней, но неприятный осадок от этого путешествия остался надолго.

Впрочем, в жизни стремительно меняется все, не только человеческие привычки. Прежние отели «Хилтон», когда-то служившие надежным ориентиром роскоши и высокого качества обслуживания, незаметно превратились в малопривлекательные гостиницы с плохим персоналом. Особенно в Великобритании, где корпорация купила сеть отелей «Стакис», переделав их в «Хилтон». Марки одежды, которые прежде Дронго нравились, стали чуть ли не символами халтуры. Одежда от Пьера Кардена, производимая в Турции и в Китае, уже давно вызывает просто смех. Марка Ив Сен-Лорана в новом веке совсем утратила свою былую славу. Вместо роскошного и пышного Ферре в доме Кристиана Диора теперь царит молодежная мода, которую он не хочет понимать и принимать. Проданы марки Кензо и Дживанши. Одним словом, мир вокруг стремительно меняется, как

видоизменяются и сами города, в которых он живет. Меньше других, пожалуй, меняется Рим, по-прежнему сохраняющий очарование тысячелетних руин и отталкивающий своей обычной безалаберностью и бесхозяйственностью, из-за которых рассыпающиеся старые здания соседствуют с величественными памятниками древних веков.

А более всего за последние годы изменилась Москва, особенно в центре. Вместо прежней гостиницы «Интурист» возводят новое здание, а вместо прежней «Москвы», успевшей стать таким же символом города, как Кремль и Большой театр, образовалось пустое пространство. В газетах всерьез обсуждают возможность сноса и другой гостиницы – «Россия», бывшей таким же символом советской эпохи.

Дронго с грустью воспринимал подобные новости. Создавалось впечатление, будто сносят памятники его юности и молодости. Он хорошо помнил, как совсем маленьким приходил вместе с отцом на строительство гостиницы «Россия», как потом много раз останавливался в ней, приезжая в многочисленные столичные командировки, как встречался там с женщинами, которых любил. А теперь эта громада почему-то должна исчезнуть, как канула в Лету легендарная «Москва», с которой тоже была связана большая часть его жизни.

Изменился и Баку. Старый город теперь превращен в царство новых офисов, где бессовестные строители возвели новые дома на месте столетних фундаментов, безжалостно уни-

чтожив прежние строения. Самое обидное, что среди людей, получивших разрешение на строительство в старом городе, было много коренных жителей Баку, казалось бы, обязанных защищать его историческое и архитектурное наследие. Вокруг старого города тоже выросли новые дома. Бессовестная власть давила на архитекторов, заставляя их принимать и подписывать чудовищные по своему замыслу решения, когда перед двадцатиметровым памятником возникает новое здание или появляются высотки, которые заслоняют живущим по соседству людям солнце и небо. Безжалостно разрушаются продуманные площади и скверы, вырубаются деревья, сносятся старые бакинские дворы.

Дронго по-прежнему жил странной жизнью на три дома: в Риме его ждала Джил и дети, в Баку оставались родители, а в Москве у него была работа, которой он иногда позволял себе заниматься. В этом было что-то иррациональное, невозможное, но в то же время это была единственно возможная ситуация, в которой он мог существовать, не опасаясь постоянно, что кто-то использует его родных и близких.

Иногда ему казалось, что жизнь, сложившаяся таким невероятным образом, может служить примером для других, как не нужно устраивать свою судьбу. Он часто встречал знакомых и друзей по прежней жизни, которые остались в прошлом. Иногда это бывали достаточно забавные, интересные встречи. Иногда – не очень. Образ его жизни требовал знания многих людей, их привычек, особенностей характеров,

внимательного анализа их поступков. Но чем больше Дронго узнавал людей, тем более становился замкнутым и мрачным. Знания умножают скорбь – эту истину он освоил еще много лет назад.

В этот вечер Дронго принял горячий душ и уселся в кабинете, чтобы проверить последнюю почту, поступившую по Интернету, когда раздался телефонный звонок. Он невольно поморщился, глянув на часы, поскольку не любил неожиданных звонков. Они всегда несут разрушение, выбивая из привычной колеи. Вот и теперь вроде бы никто не знает, что он прилетел в Москву, и тем более никто не должен звонить ему в половине десятого вечера. Никто, кроме...

Наконец он ответил. И услышал знакомый голос своего друга и напарника Эдгара Вейдеманиса:

– Здравствуй, Дронго.

– Добрый вечер. Откуда ты узнал, что я прилетел? Ты звонил Джил?

– Нет. Я сделал проще: позвонил твоему водителю и узнал, когда ты прилетаешь. Ты ведь по-прежнему не любишь сам садиться за руль. А Леня Кружков заказал для тебя ВИП-зал.

– Мне следовало догадаться, – ворчливо заметил Дронго, – кажется, я теряю квалификацию. Если так пойдет и дальше, придется предупредить водителя и Леню, чтобы никому не говорили о времени моего возвращения.

– Они никому и не говорят, – не обиделся Эдгар, – только

мне. Они считают, что я единственный человек, которому ты иногда можешь доверять.

– Не нужно обижаться. Я говорю вообще и на будущее.

– А я говорю только о тебе.

– Знаю. Что-нибудь случилось?

– Я бы не стал тебя сегодня беспокоить, – сказал Эдгар, – но меня просили об этом звонке все последние дни. Точнее, две недели. Только я не хотел звонить тебе в Италию – ты так редко вырываешься к ним.

– Кто просил?

– Моя мать...

– Это серьезно, – Дронго, тяжело вздохнув, переложил трубку в другую руку. – У вас в семье проблемы?

– Нет. Слава богу, все нормально. К нам из Риги приехала сестра моей матери. Еще две недели назад. И привезла свою родственницу по мужу. Мы люди не сентиментальные, ты знаешь, но их история потрясла всю нашу семью...

– Это она хочет встретиться со мной?

– Да. И очень хочет. Уже две недели ждет, когда я ей позвоню, чтобы приехать.

– Она не в Москве?

– Нет. Вернулась в Ригу. Но у нее есть виза. Если ты решишь, я позвоню ей прямо сейчас, и завтра днем она будет здесь.

– Неужели это так срочно?

Вейдеманис чуть запнулся, словно решая, говорить ему

или нет. Наконец сказал:

– У нее почти не осталось времени. Ты меня понимаешь?

– Не совсем. В каком смысле?

– Она больна. Тяжело больна. И ей нужна срочная встреча с тобой. Она искренне верит, что только ты сможешь ей помочь.

– Эдгар, что случилось? – ошеломленно спросил Дронго.

– Врачи считают, что ей осталось жить не больше двух или трех месяцев. От силы. Поэтому для нее очень важен каждый день. Но я не мог звонить тебе в Италию с такой просьбой.

Дронго оценил деликатность друга и его терпение.

– Хорошо, – согласился он, – завтра жду твою знакомую вместе с тобой. Не нужно было столько ждать, мог бы мне позвонить и рассказать обо всем.

Эдгар промолчал. Он вообще не любил лишних слов. И часто его молчание было красноречивее любых речей.

– Спасибо, – наконец произнес он, и Дронго положил трубку.

Он прошел в гостиную и включил телевизор. Через минуту должны были начаться последние новости. Дронго уселся на диван и откинул голову. «Все начинается с телефонного звонка», – в очередной раз подумал он...

Глава 1

На следующий день в три часа дня Дронго принимал в своей квартире Эдгара Вейдеманиса и пришедшую с ним женщину. На вид ей было не больше пятидесяти. Чуть выше среднего роста, изящная, хрупкая, с тонкими чертами лица, одетая в строгий темный костюм. Она подала ему сухую узкую ладонь. У нее были длинные аристократические пальцы и глубоко запавшие глаза с той грустинкой, которая бывает у обреченных больных. Дронго пожал руку гостыи и пригласил их в гостиную.

Он обратил внимание на то, как она прошла в комнату, как чуть заколебалась, выбирая, куда ей сесть – в кресло или на диван. Это был своеобразный тест хозяина квартиры. Индивидуалисты обычно предпочитают кресло, другие выбирают диван. Она посмотрела на диван и уселась в кресло. Эдгар, знавший об этом своеобразном тесте, усмехнулся и выбрал диван. Дронго уселся в кресло напротив.

– Простите, что вынуждаю вас заниматься моими личными проблемами, – несколько взволнованно и церемонно проговорила гостыя.

– Мне рассказали, что вы хотели со мной увидеться, – Дронго внимательно следил за ее поведением. Она нравилась ему своей сдержанностью и интеллигентностью.

– Меня зовут Лилия Краулинь, – представилась женщи-

на, – я приехала из Риги. – По-русски она говорила без характерного латышского акцента. Женщина взглянула на стоящие перед ней на небольшом столике бутылки и вдруг попросила: – У вас есть вода? Обычная вода, без газа?

– Конечно. – Дронго открыл бутылку минеральной воды «Виттель» и, наполнив стакан, протянул его гостье. Посмотрел на Эдгара, но тот отрицательно покачал головой.

– Извините, – она сделала только два глотка и поставила стакан на столик.

Дронго терпеливо ждал.

– Мне трудно об этом говорить, – вдруг призналась женщина. – Дело в том, что в девяносто третьем году погиб мой муж. Арманд Краулинь. Это случилось одиннадцать лет назад. Мне тогда было тридцать девять. – Она поправила волосы и продолжила: – Ему было сорок четыре, он был достаточно известный человек не только в Риге, но и вообще в бывшем Советском Союзе. В молодости работал секретарем ЦК комсомола Латвии, потом мы поехали работать в Европу, как тогда говорили. В девяносто первом вернулись. Арманд начал заниматься бизнесом, и достаточно успешно. Однако затем начались проблемы. И в конце девяносто третьего его не стало... Мы прожили вместе почти двадцать лет. – Она взглянула на стакан с водой, но не дотронулась до него.

Дронго терпеливо ждал.

– Он повесился, – сообщила Лилия Краулинь, чуть запнувшись. Было заметно, как она волнуется. – Арманд на-

шли в доме его отца – в их прежней квартире. Полиция и прокуратура пришли к выводу, что это было самоубийство. Нашли его смятую записку, в квартире никого не было, двери и окна были заперты изнутри. Дверь открыли снаружи запасными ключами. Это сделали дежурный консьерж и пришедшая в этот момент к мужу сотрудница фирмы. Они и обнаружили Арманда. Я думала, что сойду с ума, не хотела никому верить, попала на два месяца в больницу, – женщина все-таки взяла стакан воды и сделала еще два глотка. – Все считали, что это было самоубийство. Все, кто там был. Ведь об этом свидетельствовали его записка, двери, запертые изнутри, сидевший внизу консьерж. Я не верила, жаловалась, писала в полицию, что этого не могло быть. Меня убеждали все – врачи, следователи, прокуроры, полицейские, даже мои родные. Но я не хотела этого признавать. Я знала Арманда, он был сильный, мужественный, смелый человек. Он не мог решиться на такой поступок. Однажды мы с ним говорили о самоубийствах, и он тогда утверждал, что это проявление трусости. Поэтому я и не верила, все эти годы не верила.

– Извините, что я вас спрошу. Вскрытие было?

– Конечно, было. И не только вскрытие. Через четыре года я настояла на эксгумации тела. Это было так страшно. Мне объяснили, что я обязана приехать и присутствовать лично. Меня до сих пор мучают кошмары. Я потеряла сознание прямо на кладбище. Но повторная экспертиза ничего не дала. Только подтвердила прежнюю версию о самоубийстве.

Эдгар нахмурился. Дронго подумал, что сидящая перед ним женщина пережила настоящую трагедию.

– С тех пор прошло столько лет, – задумчиво произнесла Лилия, – но мне иногда кажется, что с тех пор я по-настоящему даже не жила. Только воспоминаниями о муже. Сейчас я понимаю, что мы были очень счастливы. Думаю, это были самые лучшие годы не только в моей жизни, но, возможно, и в его. И вдруг все кончилось так внезапно. А теперь я вспоминаю нашу совместную жизнь, как давно забытый сон.

Она открыла сумочку, заглянула в нее и закрыла, словно передумав достать нужную ей вещь.

– Простите меня, – нерешительно произнесла гостя, – у вас нет сигарет?

– Я не курю, – ответил Дронго, – извините.

Она посмотрела на Эдгара, и тот тоже покачал головой.

Очевидно, Лилия искала сигареты, которых в ее сумочке не оказалось.

– Простите, – сказала она, – врачи не разрешают мне курить, считая, что это может сократить мне жизнь, – Лилия неожиданно грустно улыбнулась и добавила: – Вам, наверное, уже сказали, почему я так тороплюсь? Мне осталось жить не более двух или трех месяцев. Так говорят специалисты. Они нашли у меня неопераруемую опухоль мозга. Я только удивляюсь, почему так поздно. Все эти годы я мечтала умереть. У меня не хватало решимости помочь самой себе. Я помнила слова Арманда. Мне кажется, у Бога очень

странный юмор. А вот в тот момент, когда я более всего хочу жить, выяснилось, что мои мольбы сбылись. Или это шутки дьявола?

– Если хотите, я позвоню водителю, и он привезет вам сигареты, – предложил Дронго.

– Не нужно. Если вы не курите, то мне не стоит здесь дышать. – Она посмотрела ему в глаза. – Я пришла к вам в поисках высшей справедливости, если хотите. Не знаю, есть ли Бог и увижусь ли я на том свете с Армандом, но на этом я хочу справедливости. Мне важно найти убийцу моего мужа.

– У вас появились новые данные насчет его смерти? – понял Дронго.

– Да, – кивнула она, сжимая в руках свою сумочку. Было заметно, что она волнуется все сильнее. – Дело в том, что Арманд и я нашли в комнате, выходящей во двор. Все окна были закрыты изнутри, полиция проверила каждое из трех окон. Это тоже было подозрительно, потому что там работали маляры, и они должны были оставить окна открытыми, чтобы проветрить помещение. А сейчас в этом особняке начали реконструкцию и за подоконником неожиданно нашли вот это. – Она открыла сумочку и, достав небольшой предмет, протянула его Дронго. Тот поднял руку, и неизвестный предмет упал ему на ладонь. Это оказалась запонка, достаточно крупная, черная с золотым ободком. Одна запонка, без второй.

– Когда Арманд и я нашли, он был в рубашке, на которой

была только одна запонка, – пояснила Лилия, – только одна, а второй нигде не нашли, хотя они обыскали всю комнату и вообще всю квартиру. Тогда никто не придал этому значения, но я помнила, что вторую запонку так и не нашли. А вот теперь ее обнаружили за подоконником, в стенном проеме. Она лежала там одиннадцать лет, и когда начали менять окна, наткнулись на нее, привезли ее мне.

Дронго рассмотрел запонку и вернул ее гостье.

– Вы можете себе представить, чтобы самоубийца решил выбросить одну запонку и затем повеситься? – с неожиданным вызовом спросила Лилия. – Меня эта находка убеждает, что в этой комнате что-то произошло. Я в этом абсолютно уверена. Возможно, они дрались или Арманд сопротивлялся, и запонка при этом отлетела в окно. А потом окно закрыли, хотя никаких отпечатков полиция не нашла. Никаких, понимаете? Это тоже было очень странно. Если Арманд открывал окно и был единственным человеком в комнате, то почему на ручке не осталось отпечатков его пальцев? Кто их мог вытереть? Получается, что в комнате был кто-то еще. Чужой.

– А если запонка вылетела давно и он не открывал окна? – предположил Дронго.

– Этого не могло быть, – уверенно возразила Лилия, положив драгоценную реликвию в сумочку, – каждое утро Арманд надевал свежую рубашку, и в этот день выбрал именно эти запонки.

– Подождите, я не совсем понимаю. Это была не ваша квартира? В доме, где произошло самоубийство?

– Нет. Это была квартира его родителей. Как хорошо, что они не дожили до этого дня! Арманд сделал шикарный ремонт и собирался сдавать квартиру. Большая просторная квартира, пять комнат. Его отец был известным в городе врачом, к нему приезжали на консультации даже из Москвы и Ленинграда, простите, сейчас Санкт-Петербурга. Они жили в этой квартире вдвоем – Арманд рано потерял мать. А тогда, собираясь сдавать квартиру отца, он, перевезя все его вещи к нам домой, сделал там евроремонт и поменял всю мебель. Это очень известный особняк в Риге, там внизу даже дежурил консьерж.

– Консьерж? – удивился Дронго. – Значит, он мог видеть, кто приходил в этот день к вашему мужу?

– Никто не приходил, – с некоторым ожесточением заявила Лилия. – Этого дежурного допрашивали пять раз. Я предлагала ему любые деньги, чтобы он сказал мне, кто еще побывал в тот день в квартире отца Арманда. Но он меня уверял, что никого не было. Ни одного человека, кроме сотрудницы моего мужа. Консьерж вместе с ней поднялся наверх, и они вместе долго стучались. А потом консьерж принес запасные ключи и открыл дверь. Муж оставлял ему ключи для рабочих. Ремонт был почти закончен. Оставались лишь некоторые проблемы с сантехникой.

– Консьерж этот тот самый дежурный, о котором вы гово-

рили?

– Да. Николай Рябов, дежурный, сидевший внизу. Он открыл дверь, и они нашли моего мужа.

– А сам Рябов не мог оказаться замешанным в этом деле? – поинтересовался Дронго. – Ведь у него были ключи от квартиры. Он мог имитировать самоубийство, затем закрыть дверь, дожидаясь, когда появится сотрудница вашего мужа.

– Я тоже об этом думала, – призналась гостья, – но он не мог этого сделать. Рябов бывший сотрудник железной дороги. Он потерял ногу еще в семьдесят девятом году. Инвалид. Такой человек не смог бы справиться с Армандом. Это невозможно...

– А может, он передал кому-то ключи и «забыл» рассказать об этом следователям?

– Нет, – Лилия тяжело вздохнула, взяла стакан воды и залпом его допила. Поставив стакан на место, продолжила: – Он был все время на своем месте и никуда не отлучался. В доме, кроме квартиры отца Арманда, еще восемь квартир. По утрам жильцам приносили газеты, письма, сообщения. И Рябов никуда не уходил. Его видели почтальон и курьер, который привез письмо одному из соседей. А самое страшное, что рядом с домом, метрах в пятидесяти от него, стояла полицейская машина с двумя офицерами. И они тоже не видели посторонних.

– Это все очень серьезно, – пробормотал Дронго. – Позвольте мне сделать краткий обзор вашего рассказа. Значит, в

то утро ваш муж вышел из дома, надев те самые запонки. Он отправился в квартиру своего отца, имея собственные ключи. Рябов видел, как он входил в дом?

– Конечно. Они поздоровались. Муж оставил свою машину рядом с домом. И поэтому его сотрудница была уверена, что он находится в этой проклятой квартире.

– А почему сотрудница появилась у него дома? Они заранее договаривались о встрече?

– При мне. Это его помощница. Она жила на соседней улице, и Арманд попросил ее занести ему какое-то письмо из банка. Вы понимаете, почему я никогда не верила в его самоубийство? Не может человек вызывать свою помощницу, зная, что собирается повеситься...

– Она принесла ему какие-то важные документы?

– Да. Я хочу быть откровенной. Банк требовал погашения крупной ссуды, которую взяла фирма моего супруга. Он знал об этом письме. Следователь сказал, что у Арманда были финансовые проблемы, но я в это не верю. Потом его заместитель сумел разрулить все проблемы и даже выплатить мне часть дивидендов. И на эти деньги я жила все эти годы. Или делала вид, что жила.

– Какую записку написал ваш супруг перед смертью?

– Только три слова «Мне очень жаль». И поставил точку. Больше ничего. Только три проклятых слова. Я не могу понять, как он решился на такой невероятный поступок. И не верю в это до сих пор.

Некоторое время в комнате царил тишина.

– Вы знаете, а я начинаю понимать доводы следователей, – мягко заговорил наконец Дронго. – В доме, куда приехал ваш муж, находился консьерж. Рядом стоял автомобиль с офицерами полиции. Квартира была заперта. Нашли записку вашего мужа. У него были некоторые финансовые проблемы, возможно, не очень существенные, но были. И еще экспертиза, проведенная патологоанатомами...

– А эта запонка? – с надрывом напомнила она. – Я тоже все эти годы пыталась поверить в то, во что нельзя было поверить. Но в душе была убеждена, что моего мужа убили. Абсолютно убеждена, вопреки всем доводам. Утром он надел рубашку, пристегнул запонки. Затем поехал в дом своего отца. И вдруг одна его запонка оказалась за подоконником. А окно – закрытым. Теперь я точно знаю, что в этой квартире был кто-то еще. Кто-то посторонний, кто закрыл тогда окно.

Лилия посмотрела на пустой стакан, и Дронго, не дожидаясь ее просьбы, снова его наполнил. Но она не дотронулась до него, глядя на своего собеседника так, словно ожидала его приговора.

– Вы хотите, чтобы я все проверил? – понял Дронго. – Но вы должны понимать, что прошло уже много лет. Это не так просто...

– Я все понимаю. – Она нервно сжала сумочку в руках. – Мне неудобно об этом говорить. Я продала квартиру отца моего мужа, и у меня есть деньги, которые мне абсолютно не

нужны. Простите, что я говорю об этом. У нас с Армандом не было детей. У него есть дочь от первого брака, и я перевела ей половину денег. Оставшуюся сумму я готова выплатить вам в качестве вашего гонорара. У меня единственная просьба, чтобы вы нашли наконец, кто убил моего мужа. Кто совершил это чудовищное преступление, оставив меня одну в этом мире? Я хочу знать правду, какой бы страшной она ни была. И прошу вас мне помочь... Мне осталось не так долго жить, и у меня нет времени, – добавила она через секунду.

В комнате опять наступило тягостное молчание. Эдгар старался не смотреть на Дронго. Похоже, он лучше Лилии понимал всю бесперспективность предстоящих поисков. Спустя одиннадцать лет после смерти Арманда Краулиня предстоит найти его убийц. Это практически невозможно. Лилии в тактичной форме следовало отказать. Дронго смотрел на сидящую перед ним женщину и думал. Отказать ей означало окончательно добить несчастную своим ответом. Она пришла сюда с последней надеждой. Он вспомнил другую женщину, тоже из Латвии, с которой познакомился в Севилье. Молодую и красивую женщину, жизнь которой оказалась разделенной пополам: до Севильи и после. Если сегодня он откажет своей гостье, у нее больше не останется никаких шансов. И времени, чтобы найти другого эксперта. Ей просто никто не поверит. Хотя, возможно, найдется какой-нибудь прохвост, который согласится взять деньги и будет тянуть до последнего, понимая, что времени у нее остается со-

всем немного.

Дронго незаметно рассматривал свою гостью. Ухоженная, с красиво уложенными волосами, аккуратно одетая, она явно не собиралась сдаваться. Такая женщина будет держаться до конца. Но согласиться на предлагаемую ею авантюру – значит поступить безнравственно. Если ее муж действительно совершил самоубийство, то все поиски ничего не дадут. А все факты указывают именно на самоубийство. Выходит, нужно отказать. Отказать ей в последнем милосердии. Но неужели он способен на такой поступок? И как потом будет вспоминать этот ее визит?

– Давайте сделаем так, – предложил Дронго, – я поеду с вами в Ригу и попытаюсь что-нибудь выяснить. Ни о каком гонораре не может быть и речи, пока я не найду других фактов, подтверждающих вашу версию. Вы оплатите мне дорогу и проживание. Все остальное только после того, когда я завершу расследование.

– Спасибо, – взволнованно произнесла она, – я согласна на любые условия.

– Тогда договорились. Завтра поедem в Ригу вместе. Или полетим?

– Как вам удобно. Мне все равно.

Потом она пожала ему руку и вышла из квартиры. Эдгар понимающе кивнул и мягко дотронулся до плеча Дронго.

– Я ее провожу, – сказал он.

Через полчаса Вейдеманис позвонил Дронго.

– Не знал, что все так безнадежно, – признался он. – Ты думаешь, тебе нужно ехать в Ригу? Может, мне попытаться объяснить ей, что ты занят?

– Я поеду, – твердо заявил Дронго. – Насчет запови она права. Если есть хоть один факт, не укладывающийся в систему других фактов, то его нужно проверить.

– Ты делаешь это из жалости к ней, – предположил Вейдеманис. – Я же тебя знаю. Тебе ее просто жалко.

– Да, – подтвердил Дронго, – мне ее очень жалко. Она держится из последних сил, понимая, что ничего хорошего впереди нет. Ужасно, ведь она сравнительно молодой человек. Ты видел, как она одета, как ведет себя, как разговаривает? Если бы каждый из нас с таким мужеством и достоинством принимал смерть, то жизнь была бы намного лучше. Я поеду в Ригу, Эдгар, и подозреваю, что ты знал об этом еще вчера, когда звонил мне.

Вейдеманис в очередной раз промолчал. Его молчание, как всегда, было красноречивее всяких слов.

Глава 2

В рижском аэропорту их встречал племянник Лилии Краулинь – молодой двадцатипятилетний парень, приехавший за ними на своей старенькой «Ауди». Было очевидно, что это его первая машина, купленная на собственные деньги, и он чрезвычайно гордился таким обстоятельством, весело рассказывая Дронго о ее достоинствах. Но при взгляде на тетку глаза молодого человека каждый раз становились озабоченными. Они переехали на другой берег Даугавы, где в отеле «Радиссон» для Дронго был заказан одноместный номер. Ночной рейс из Москвы прибыл в Ригу очень поздно, и Дронго договорился встретиться со своей спутницей на следующее утро. После чего поднялся в свой номер, выходящий окнами на другую сторону от реки. Положив сумку, он услышал какой-то гул, будто бы доносившийся снизу. Дронго открыл окно и высунулся наружу. Похоже, под ним работала система кондиционирования воздуха, издавая этот громкий, надоедливый шум. Он поморщился, закрыл окно, затем спустился вниз, к портье.

– Извините меня, – сказал Дронго по-русски, – но мне кажется, что в моем номере слишком шумно. Вы не могли бы поменять мне номер? У меня пятьсот сорок шестой номер.

– Сейчас посмотрю, – ответил портье. Набрал код на компьютере, он взглянул на экран и утвердительно кивнул голо-

вой. – Пожалуйста, девятьсот двадцать третий. Ваши вещи перенесут.

Через несколько минут Дронго был уже в другом номере, окна которого выходили на реку. На другой ее стороне ярко светились огни старой Риги. Дронго сел на кровать. Как давно он здесь не был! В молодости он очень любил приезжать сюда вместе с родителями. Юрмала и Сигулда, какие давние воспоминания! Прибалтика всегда казалась немного заграницей, здесь был некий европейский шарм, который не мог исчезнуть даже за несколько десятилетий общей страны. Обычно они останавливались в центральной гостинице «Латвия», люксы которой начинались у лестницы. Дронго закрыл глаза. Как давно это было! С тех пор прошло уже двадцать пять лет. Господи, неужели так много? Впервые он приехал сюда с матерью в семьдесят девятом году. Тогда ему было около двадцати. И он упросил ее оставить его в Риге. Мать уехала, оставив его на три дня одного. Одного в чужом городе. Он казался себе таким взрослым! Почувствовав, как от ностальгии разрывается сердце, Дронго достал телефон и набрал номер. Пришлось долго ждать ответа.

Наконец раздался знакомый, родной голос.

– Мама, – прошептал он, – ты извини, что я не звонил последние два дня. Я сейчас в Риге, только что прилетел.

– А мы ждали твоего звонка, – ответила мать. – Между прочим, у нас уже третий час ночи, и мы с отцом очень перепугались из-за твоего звонка.

– Извини, – пробормотал Дронго, – мне просто захотелось услышать твой голос. Ты помнишь, как привезла меня в Ригу в семьдесят девятом? И разрешила остаться одному? Помнишь?

– Конечно, помню, – матери уже перевалило за восемьдесят, но голос у нее был по-прежнему молодой, задорный. Она до сих пор преподавала студентам, помня каждого из своих выпускников в лицо и по имени.

– Если ты в Риге, то навести семью моих знакомых, – попросила мать, – ты ее помнишь. Это Сюзанна Силивесторона Яковлева. Она была ректором университета. Помнишь, как они приезжали к нам в Баку в восьмидесятые годы? Ты должен их помнить. У нее было трое внуков.

– Обязательно позвоню. У меня есть их телефон.

– Она, наверно, уже умерла, – вздохнула мать, – но ты можешь навестить ее дочь и внуков. Ты меня слышишь? Передай им от меня привет.

– Передам. Я хотел сказать спасибо.

– За что?

– За все. И за то, что тогда оставила меня одного. И за то, что верила в меня. И вообще за все.

– Какой ты стал сентиментальный! – удивилась мать. Но по ее голосу было понятно, что ей приятно слышать такие слова. – Береги себя. Было бы гораздо лучше, если бы ты привез Джил и детей к нам. Мы по ним очень скучаем.

– Привезу. Конечно, привезу. Передай привет папе. Как

он себя чувствует?

– Прекрасно. Если ты будешь чаще звонить, то мы будем чувствовать себя еще лучше.

– До свидания, – Дронго улыбнулся и положил трубку. Теперь ему стало гораздо легче.

Утром на такси подъехала Лилия Краулинь. Она была одета в тонкую бордовую водолазку, клетчатую юбку и темную куртку, делавшую ее моложе на несколько лет. Дронго, уже успевший позавтракать, встретил ее в холле отеля. И поцеловал ей руку. Она грустно усмехнулась.

– Я думала, что такие знаки внимания уже не для меня.

– Вы хорошо держитесь, Лилия, – честно признался в своих впечатлениях Дронго. – Может, вам лучше поехать куда-нибудь в известный онкологический центр и попытаться узнать, каковы шансы на операцию?

– Я уже узнавала, – ответила она, – на Каширке в Москве и в Лондоне. В Москве дают десять процентов, но говорят, что это очень сложно. В Лондоне считают, что нет ни одного шанса. Единственное, что утешает – я не буду ничего помнить и чувствовать, когда начнется последняя стадия. Западные врачи вообще всегда говорят открыто и прямо. Я их понимаю. Возможно, так честнее.

– Тогда не будем больше об этом говорить, – предложил Дронго, – давайте пройдем в центр города, и вы покажете мне особняк, где жил отец вашего мужа, и заодно более подробно расскажете мне о вашей жизни с Армандом, если,

конечно, вы сможете это сделать.

– Я все смогу, – сказала она, – я уже свое переболела. Иногда мне казалось, что такая боль, которая разрывала меня, была почти физической. Никакая опухоль в мозгу не сравнится с этой пыткой.

Они вышли из отеля и направились к мосту.

– Пройдемте пешком, – предложила Лилия, – здесь недалеко.

– Хорошо, – согласился Дронго. – Итак, давайте начнем по порядку.

– Мы познакомились в семьдесят третьем году, – начала Лилия, – мне было тогда девятнадцать лет. А ему уже двадцать четыре. Вы бы видели его тогда! Молодой, задорный, красивый, с копной рыжих волос. В него влюблялись все наши девушки. Мы встретились с ним на празднике песни, посвященном столетию этого праздника в Латвии. Какими молодыми и наивными мы тогда были! Я сразу обратила на него внимание. Было заметно, каким авторитетом он пользовался среди товарищей. Мы как-то сразу потянулись друг к другу.

Уже потом я узнала, что он был женат и развелся. Но меня тогда это не остановило. Его жена к тому времени во второй раз вышла замуж. Знаете, я ничего не хочу сказать плохого, но есть дамочки, которые умеют находить мужей. Вот Визма и была такой. Ее второй муж оказался сотрудником Министерства торговли, потом даже стал заместителем министра. Он был старше ее на целых восемнадцать лет. Потом

она нашла еще одного, тоже ответственного работника, который позже превратился в успешного бизнесмена. Сейчас у нее уже четвертый муж. Но одна-единственная дочь от Арманда. Как-то не очень справедливо.

Дронго не стал комментировать ее высказывание.

– Сейчас его дочери Лайме уже тридцать четыре, – сообщила Лилия. – Мы всегда были больше подругами, у нас с ней разница в возрасте всего шестнадцать лет. И хотя Лайма у нас никогда не жила, мы с ней часто встречались. Сейчас у нее двое очаровательных мальчиков. Старший сын – копия Арманда. Мне бывает так приятно находиться у них в гостях. Ему уже восемь. А младшему пять. Но с матерью у Лаймы всегда были напряженные отношения. Арманд постоянно помогал дочери, заботился о ней.

– Простите, что спрашиваю. А почему у вас с Армандом не было детей?

– Не знаю. Мы оба проверялись у врачей. И он, и я. Никаких отклонений. Понятно, что у него они вообще не могли не быть, ведь у него была дочь. Меня тоже находили абсолютно здоровой, но детей у нас не было. Вернее, у меня было два выкидыша. А потом врачи сказали, что я не смогу родить. Вот видите, я вам соврала. Не все в моей жизни было так уж безоблачно.

Они вышли на мост. Поднялся легкий ветер.

– Вы не простудитесь? – машинально спросил Дронго и вдруг понял, как бестактны его слова.

– Надеюсь, что нет. Простуда мне уже не угрожает, – Лилия еще могла шутить в этой ситуации.

– Простите. Я задал глупый вопрос.

– Нет, ничего. Мне даже нравится, что вы относитесь ко мне по-человечески. В общем, мы поженились, а через несколько лет он стал секретарем Центрального Комитета комсомола республики. Между прочим, на нашей свадьбе были все руководители тогдашнего латышского комсомола – Плауде, Медне, Рейхманис. Мы все тогда верили в будущее. Все нам казалось прекрасным. Это были, наверное, лучшие годы не только для нас с Армандом, но и для всего нашего народа. Хотя сейчас говорят совсем иное. В восемьдесят пятом мы уехали в Швецию, он получил назначение по линии «Внешторгимпорта», потом работал в Финляндии. Все время рвался обратно в Латвию, говорил, что здесь его настоящее место, писал письма, чтобы его отозвали обратно. Горячо поддерживал Горбачева, очень верил в перестройку. А потом начал разочаровываться, тяжело разочаровываться. В начале девяносто первого нас наконец перевели обратно в Ригу. Арманду предлагали большие должности в центральном аппарате партии, но он отказывался. Работал секретарем парткома в латышском отделении «Внешторга», а потом наступил август девяносто первого. Вы помните, что тогда творилось? У него были большие неприятности, его чуть не посадили. Арманд всегда был честным и порядочным человеком, говорил обо всем открыто, ничего не боялся.

Спустя некоторое время он создал свою фирму и начал заниматься бизнесом. Сначала было очень трудно, особенно в середине девяносто второго. Потом стало чуть легче. Арманд работал очень много. И нам казалось, что он сумеет все преодолеть. Но тут случилось это дикое самоубийство, в которое я так и не поверила... Лилия закончила рассказ. Они перешли мост и оказались на площади перед памятником латышским стрелкам.

– Это вся наша жизнь, – показала она на памятник. – С одной стороны, это свидетельство их верности прежней стране, а с другой – их бывший музей, названный музеем оккупации. Смешно, правда? Оказывается, мы с Армандом жили в «оккупации». И вся наша совместная жизнь прошла под «оккупантами».

– Мы живем в эпоху перемен, – меланхолично заметил Дронго, – у вашего мужа была большая фирма?

– Нет. Они занимались инвестициями в нашу строительную промышленность. Небольшая фирма, в ней работало человек сорок.

– Как звали его секретаря? Ту помощницу, которая его нашла?

– Ингрида Петерсен. Сейчас она живет в Юрмале. Точнее, в Слоке, недалеко от лютеранской церкви. Ее дом легко найти. Номер восемьдесят восемь на параллельной улице.

– Я обязан задавать вам неприятные вопросы. Вы можете на них не обижаться?

– Конечно. Если это нужно для дела. Какие в моем положении могут быть неприятные вопросы?

– Сколько ей было лет? Ваш муж назначил ей встречу в доме своего отца. Возможно, у них были интимные отношения? Такую вероятность мы можем исключить?

– Безусловно, – Лилия чуть улыбнулась. Было приятно видеть улыбку на ее изможденном лице. – Конечно, нет. Ей уже тогда было далеко за сорок.

– А вы полагаете, что в этом возрасте нельзя иметь интимные отношения? – удивился Дронго.

Она еще раз улыбнулась.

– Вы знаете, я действительно дура, если так говорю. Простите. Конечно, можно. Но не с ней. Это явно не тот случай.

– После смерти вашего супруга его дочери достались какие-нибудь деньги?

– Нет. Насколько я знаю, ей ничего не отходило. Она была уже совершеннолетняя, а все имущество было на его имя. И все перешло ко мне. Даже квартира ее деда. Я, конечно, выделила им деньги. И отдала им две машины Арманда. А сейчас перевела половину денег за квартиру. Почему вы спрашиваете?

– Нужно понять, кому было выгодно убийство вашего мужа, если оно было на самом деле, – хмуро пояснил Дронго.

– Только не его дочери, – решительно заявила Лилия. – Лайма очень любила отца. Очень.

– А ее мать?

Она помолчала, затем продолжила:

– Я думала об этом. Конечно, Визма взбалмошная и истеричная особа. Но на убийство никогда не решилась бы. Тем более что она ничего от этого не получала. И не могла получить.

– Вы сказали, что его заместитель успешно решил все проблемы. Где он сейчас и как его зовут?

– Он прекрасный человек. И честно перевел мне все деньги. Его зовут Инт Пиесис. Он и сейчас возглавляет небольшую фирму. Правда, они переехали в другое место.

– С ним можно увидеться?

– Конечно.

– Дайте мне его адрес. И адреса всех остальных. Ингриды Петерсен и Николая Рябова. И еще телефон бывшей супруги Арманда.

– Не нужно, – неожиданно попросила она, – я не хотела бы, чтобы вы с ней встречались.

Дронго остановился и с удивлением посмотрел на свою собеседницу.

– Почему?

– Сама не знаю. Мне будет неприятно, если она узнает, как я провела последние дни моей жизни. Мне будет очень неприятно. И она может рассказать обо всем Лайме, а мне будет больно, если она снова узнает о моих расспросах.

– Лайма знает, что все эти годы вы искали убийцу?

– Да. И сначала со мной соглашалась. Но после эксгума-

ции... Видите ли, она была уверена, что мне не стоит этого делать. Тогда она на меня немного обиделась. И, по-моему, с тех пор считает меня немного сумасшедшей. Хотя позволяет мне видеть ее детей. Может, я действительно безумна, как по-вашему?

– Не знаю, – угрюмо буркнул Дронго. – Часто мне бывает трудно понять, кого в нашем мире можно считать безумцем. Но у меня еще один вопрос. Кто проводил расследование? Может, вы дадите мне имя этого следователя?

– Айварс Брейкш, – сразу ответила Лилия. – Только с ним вам лучше тоже не встречаться.

– Господи, – воскликнул Дронго, – что происходит? У меня такое ощущение, что мне лучше вообще никого не спрашивать.

– Брейкш сейчас депутат парламента от правящей партии, – пояснила Лилия. – В девяностые годы он был сначала следователем, затем прокурором, а сейчас депутат парламента. Говорят, что он будет баллотироваться в Европарламент. Брейкш даже слышать не может моего имени. Я столько жалоб на него написала, что когда он слышит о деле Арманда, то начинает злиться.

– Ясно, – уныло произнес Дронго. – И все-таки мне понадобится этот депутат. А для начала давайте пойдем к тому дому и посмотрим на него. Или, может, вам тяжело там снова появляться?

– Я там бывала тысячи раз, – возразила она. – Конечно,

идемте.

Глава 3

Дом стоял в небольшом переулке. Обычный трехэтажный дом, каких много в этой стороне города. Протянувшаяся по всему старому городу улица Вально проходила перпендикулярно этому переулку. Они открыли старую массивную дверь и оказались в подъезде, где в небольшой будке сидел консьерж. Увидев чужих, он вышел из нее и приветствовал гостей по-латышски:

– Свейки.

Дронго, зная это приветствие, кивнул и ответил по-русски.

– Кто вам нужен? – спросил уже по-русски консьерж. У него был сильный латышский акцент, но русский язык он понимал.

Дронго оглянулся на Лилию. Она шагнула вперед и начала говорить по-латышски. Старик-дежурный ее узнал. Похоже, он даже этому обрадовался и закивал головой, показывая на лестницу.

Они поднялись на второй этаж по красивой мраморной лестнице.

– В тридцатые годы этот дом принадлежал каким-то немецким баронам, – пояснила Лилия. – Нам еще повезло, что теперь не объявились потомки этих баронов. У моей соседки, известной актрисы, отняли дом, в котором она про-

жила почти сорок лет, потому что до сорокового года этот дом принадлежал другой семье. Но она ведь не виновата, что ей дали именно это жилье.

На втором этаже находились три квартиры. Лилия осталась и показала на закрытую дверь справа.

– Вот здесь.

Из-за двери слышались громкие голоса строителей.

– Как тогда, – задумчиво произнесла Лилия. – Как будто все возвращается. Только это уже другие строители.

Внезапно дверь в левую квартиру открылась, и оттуда вышел высокий мужчина лет сорока с собакой на поводке. Увидев незнакомцев, он вежливо поздоровался и начал спускаться вниз. Затем вдруг обернулся.

– Лилия, это вы? – спросил он изумленно.

– Да, – ответила она, – здравствуйте, Эмиль.

– Что вы здесь делаете? – Он с трудом сдерживал собаку на поводке. У него было чуть продолговатое лицо, хорошо выбритые розовые щеки, голубые глаза, тонкие губы. Было заметно, с каким хорошим вкусом он одет – в светло-коричневый макинтош и бежевые брюки. На вид ему было лет сорок пять. – Мне говорили, – продолжил Эмиль, – что вы уже давно продали эту квартиру.

– Верно. Три месяца назад. Как у вас дела?

– Спасибо, все нормально. Вы не знаете, кто здесь будет жить?

– Нет. Я продавала квартиру через агентство.

– Жаль. А я подумал, что это новый хозяин, – показал Эмиль на Дронго рукой, держащей поводок.

– Нет, – ответила Лилия, – он приехал ко мне в гости.

– Понятно. Извините. – Собака спешила вниз и тянула хозяина. Эмиль побежал по лестнице вслед за ней.

– Хороший человек, – сказала Лилия, глядя ему вслед. – Его отец и отец Арманда были друзьями. И оба врачи. – Она громко постучала в дверь. Звонок не работал.

Почти сразу, словно их ждали, дверь открылась. На пороге стоял высокий рабочий в фирменной голубой спецовке. Лилия сказала ему несколько слов по-латышски, и он посторонился, пропуская гостей в квартиру.

Дронго вошел следом за Лилией. Он видел, что она волнуется, и уже жалел, что привел ее именно сюда. Они прошли в комнату, где Дронго обратил внимание на большой, красиво выложенный облицовочной плиткой камин в углу.

– Мы его не трогали, – почему-то сообщил им один из рабочих по-русски, словно догадываясь, что пришли прежние хозяева.

Вместе с Лилией Дронго прошел в большую угловую комнату, на которую выходила задняя стена камина.

– Вот тут был крюк для люстры. Он был тогда пустым, – пояснила Лилия, поднимая руку. Она чуть пошатнулась, но Дронго успел ее поддержать. – А вот это окно, – показала она в сторону раскрытого окна.

Дронго подошел к окну, посмотрел вниз. Второй этаж на-

ходился на высоте метров семи. Влезть сюда со двора было практически невозможно. К тому же во двор выходили балконы двух соседних домов – соседи могли увидеть постороннего человека.

Дронго отвернулся, заметив, как побледнела Лилия. Ей явно было плохо. Но он не мог уйти, не взглянув на место, куда попала эта злосчастная запонка. Дронго снова наклонился. Здесь уже поставили новый мраморный подоконник и новое окно. Он еще раз обернулся и подозвал к себе Лилию. Он видел, что ей плохо, но обязан был довести свой визит до логического конца.

– Покажите, куда попала эта запонка, – попросил Дронго.

Она подошла к окну и, чуть наклонившись, показала на место у стены. Дронго заметил, что Лилия продолжает наклоняться, словно решила покончить с жизнью, выбросившись именно из этого окна, и поспешно перехватил ее за талию.

– Осторожно, – торопливо сказал он, бережно отводя ее в глубь комнаты. – Вы испачкаетесь.

Потом взглянул на стену. Под таким углом запонка не могла попасть в это углубление. Она должна была вылететь снизу, с пола, чтобы полететь в эту сторону. Но никак не сверху, иначе просто упала бы вниз, во двор.

– Пойдемте, – позвал Дронго, крепко взяв женщину за руку, – я уже увидел все, что мне нужно.

Он почти тащил ее на себе. На улице Лилия немного при-

шла в себя.

– Я не думала, что это будет так тяжело, – призналась она.

– Поезжайте домой, – посоветовал Дронго, – и отдохните. А я поеду в Юрмалу. Хочу увидеть Ингриду Петерсен и поговорить с ней.

– Вы ее не найдете без меня, – устало возразила Лилия. Было заметно, что она выдохлась.

– Сейчас мы поймаем такси и я отвезу вас домой, – упрямо заявил Дронго. – А если вы не будете меня слушаться, то я уеду прямо сегодня. Это не угроза. Я приехал сюда для того, чтобы помочь вам, а не гробить ваши последние дни. Вы меня понимаете?

– Да, – тихо откликнулась она, – пойдемте. Мне действительно нужно отдохнуть и принять лекарство.

Дронго отвез ее к дому на Бривибас, где она жила. И пошел подняться в квартиру. У входа в дом Лилия остановилась, упрямо тряхнула головой.

– Не хочу вас обманывать. Это будет нечестно. Но за день до своей смерти он был каким-то подавленным. На все мои вопросы отвечал как-то односложно. Я должна была догадаться, что происходит что-то странное. Должна была понять, что он, возможно, решился на какой-то поступок, – Лилия вздохнула. – Но я по-прежнему не верю в его самоубийство. И еще... – Она остановилась на лестничной площадке и взглянула на Дронго. – Возможно, это самое важное. Хотя я не уверена. Инт Пиесис говорил мне потом, что за день

до самоубийства Арманд на кого-то кричал. Это было вечером, перед тем как он уехал с работы. Кто-то ему позвонил, и Арманд начал кричать. При этом говорил о каких-то карточках, возможно, кредитных. Пиесис считал, что речь могла идти о задолженности банку. Я рассказала об этом следователю Брейкшу, и он проверил, кто звонил Арманду вечером, накануне того рокового дня. Оказалось, что звонили из телефона-автомата. Тогда еще ни у кого не было собственных телефонов. Брейкш тоже считал, что речь шла о кредитных карточках, линию которых разрабатывал банк. Но мне Арманд ничего такого не говорил.

А на следующее утро он поехал на квартиру отца. Я не знаю, что именно там произошло. Но он при мне позвонил Ингриде и довольно спокойно попросил ее привезти ему туда письмо. Если ему там угрожала опасность, то зачем он позвал своего секретаря? Может, Арманд решил встретиться в это утро со своим убийцей? Но куда тогда пропал этот негодяй? Как он мог войти в дом и исчезнуть? Испариться? Говорят, через окна невозможно было убежать. Его бы увидели соседи, живущие во дворе. К тому же там слишком высоко. Потом я вспоминала наш последний день. Арманд был непривычно тихим, не похожим на себя. Я никому об этом не говорила, чтобы не подтверждать версию следователя. Иначе они просто сочли бы меня сумасшедшей. Ведь такое состояние моего мужа тоже работало на их версию. Но я точно знаю, что он не самоубийца. И никогда в это не поверю. Да-

же... Даже если он сам скажет мне об этом на том свете.

Дронго мрачно кивнул. Следовало уважать Лилию за ее истовую веру в покойного супруга. Они поднялись на следующий этаж. И он подождал, пока она открывала дверь своим ключом.

– Извините, – обернулась к нему Лилия, – у меня дома страшный беспорядок. – Она оставалась женщиной до последнего вздоха.

– Вечером я вам позвоню, – пообещал Дронго на прощание.

Выйдя на улицу, он снова поймал такси и поехал на вокзал, чтобы отправиться в Юрмалу. Название станций электрички он еще помнил. У каждой станции была своя легенда, свои санатории, свои места отдыха. Взяв билет, Дронго прошел на перрон. Там царило привычное оживление. Дронго обратил внимание, что среди пассажиров в основном люди среднего и пожилого возраста. Молодежи было гораздо меньше обычного. После присоединения Латвии к Евросоюзу уровень жизни несколько упал и молодежь потянулась в страны Европы, куда они и раньше могли ездить уже без обычных шенгенских виз.

В электричке было тихо. Пассажиры разговаривали вполголоса. Дронго сел у окна, глядя на мелькающие за стеклом домики. Он вспоминал то углубление в стене и попавшую туда запонку. Она могла влететь туда только под очень острым углом, и тогда выходит, что погибший Арманд Краулинь лег

на пол, перед тем как повеситься. Зачем? Объяснений может быть много. Возможно, у него упала запонка и он решил ее поискать. А потом она вылетела у него из рук. Нет, не получается. Руку должны были дернуть, чтобы эта запонка так полетела. Или он сам дернул рукав... Черт возьми, прошло уже столько лет! Если бы следователь и офицеры полиции осмотрели тогда место происшествия более внимательно... Нет, это глупо. Окно было закрыто, и никто не мог предположить, что в стене рядом с ним можно найти запонку.

Дронго обернулся. По прежней привычке, оставшейся у него с ранней молодости, когда он работал экспертом ООН, Дронго всегда проверял всех следующих за ним людей. И на этот раз ему показалось, что на перроне вокзала он видел невзрачного мужчину лет пятидесяти, теперь сидящего в углу и смотрящего в окно. Нет, мужчина не смотрел в окно. Он был явно напряжен и посматривал в сторону Дронго. Так, это становилось уже интересным. Если это обычный грабитель, то в электричке слишком много людей. А если «хвост», то откуда он появился и почему решил за ним следить? Или кто-то увидел, как они приехали к дому Лилии Краулинь? Тогда выходит, что и ее квартира под наблюдением? «Только неприятностей с латышскими спецслужбами мне не хватало для полного счастья», – с нарастающим раздражением подумал Дронго.

Он решил выйти раньше, чтобы проверить свои подозрения. Поднявшись, прошел в соседний вагон. Мужчины ря-

дом не было. Дронго подумал, что он стал слишком подозрительным, но уселся так, чтобы видеть, кто войдет следом за ним. Незнакомый появился ровно через полминуты. Для сотрудника спецслужбы это было слишком быстро, но для обычного наблюдателя – в самый раз. Дронго нахмурился. Увидев его, мужчина засуетился и, вместо того чтобы пройти мимо, как сделал бы обычный «топтун», начал устраиваться у входа в вагон, выбрав для себя именно это место. Значит, он не профессионал, понял Дронго. Нужно выйти раньше и попытаться от него оторваться. «Может, я недооценил погибшего Арманда? – подумал Дронго. – Он был секретарем ЦК комсомола, работал за рубежом. Может, кто-то решил его убрать таким образом в связи с этим? Нет. Не похоже. Какие секреты в семидесятых годах могли быть в латышском комсомоле? И какие секреты мог знать Краулинь, работая в Швеции, из-за которых его могли убить? Впрочем, нужно будет более внимательно проверить деятельность их фирмы в Латвии».

Он проехал свою станцию и вышел на следующей, легко оторвавшись от своего «наблюдателя». Затем позвонил Лилии. Она ответила не сразу, словно считала звонки. И лишь на восьмой наконец сняла трубку:

– Я вас слушаю.

– Скажите, Лилия, вы никому не говорили, что хотите меня пригласить? Может, с кем-то советовались?

– Ну, конечно, с моими родственниками. И моя сестра об

этом знала. И мой племянник...

– Нет, я не о них. Может, вы говорили об этом с кем-нибудь еще?

– С вашим другом Эдгаром Вейдеманисом. Сестра его матери...

– Я знаю. Но я имею в виду местных жителей.

– Не помню. Но это не был секрет. Я всегда говорила, что не верю в самоубийство Арманда. Говорила и писала об этом. А почему вы спрашиваете?

– Просто хотел уточнить. Спасибо. Я вам еще позвоню.

Он убрал телефон и вошел в электричку, следующую в обратном направлении. На следующей станции вышел и довольно быстро нашел нужную ему лютеранскую церковь, направляясь к дому, где жила семья Петерсен. Это был обычный для этих мест небольшой двухэтажный дом. Дронго убедился, что номер дома совпадает с номером, указанным ему Лилией, и позвонил. Дверь открыла полная женщина лет семидесяти. У нее было румяное полное улыбающееся лицо, почти невидимые брови, полные губы и крупный нос.

«Это явно не Ингрида Петерсен», – подумал Дронго и вежливо поздоровался. Она ответила ему по-латышски.

– Извините, – пробормотал Дронго, – я не знаю латышского языка.

– Кто вы хотите? – спросила хозяйка.

– Мне нужна Ингрида, – объяснил Дронго, – госпожа Ингрида Петерсен.

Хозяйка закивала и позвала Ингриду, обращаясь куда-то в глубь дома. Из комнаты вышла молодая женщина. Дронго чуть не ахнул от удивления. Эта женщина была абсолютной копией своей матери. Только ей было лет сорок пять или пятьдесят. Такое же полное румяное лицо, невидимые брови, полные губы. Женщина подошла к нему ближе.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Дронго.

– Здравствуйте, – она говорила по-русски гораздо лучше матери.

– Вы Ингрида Петерсен?

– Да, – кивнула она, – а кто вы такой?

– Меня прислала Лилия Краулинь...

– Понятно, – женщина посторонилась, пропуская гостя.

В комнате было тепло и уютно. Они сели за стол. – Что вы хотите? – спросила она. – Зачем вы приехали?

– Вы работали с ее погибшим мужем, – напомнил Дронго.

– Да, – мрачно подтвердила Ингрида, – одиннадцать лет назад. Я тогда была совсем молодой женщиной.

– И вы нашли его мертвым?

– Верно. Он позвонил мне из дома и попросил, чтобы я принесла ему письмо в квартиру его отца. Мы жили на соседней улице – я и мой муж. И я понесла ему письмо. У дома стояла его машина. Я вошла в дом, консьерж меня знал в лицо. Я поднялась на второй этаж, позвонила. Затем постучала. Потом снова позвонила и снова постучала. Тогда не было мобильных телефонов, поэтому я спустилась вниз и от кон-

сьержа позвонила по городскому телефону в квартиру. Он опять не ответил. Мы с консьержем звонили несколько раз. А потом поднялись вместе и консьерж открыл дверь. Сначала мы ничего не увидели, но вскоре нашли Арманда в угловой комнате. Это было ужасно. Только мы ничего не трогали. Сразу вызвали полицию.

– Понятно, – Дронго обратил внимание на фотографию, стоящую на серванте. На ней рядом с молодым мужчиной была запечатлена симпатичная милостивая женщина. Дронго перевел взгляд на Ингриду. Неужели это она же? Надо же, как изменилась! Что делает с людьми время! Была симпатичной молодой женщиной, а превратилась в располневшую деревенскую бабу.

– Было ужасно, – повторила Ингрида. – Меня потом много раз в полицию вызывали. И в прокуратуру. Я все время об этом рассказывала. Два года. А потом Лилия жаловалась, и меня снова вызывали. Она не на меня жаловалась, но меня все время звали на допросы. И тогда мы с мужем решили переехать сюда, к нашим родителям.

– Вы долго работали с Армандом Краулинем?

– Долго. Да, долго. Почти два года. Он был очень хороший человек.

– Вы принесли письмо, в котором содержались финансовые претензии к его фирме?

– Да. Они хотели, чтобы мы раньше срока погасили наш долг. У банка тогда были большие проблемы.

– Он знал о письме?

– Конечно, знал. Мы получили его вечером, но я ему прочла его по телефону. И он сказал, чтобы я не оставляла его в офисе, а взяла домой, а завтра передала ему. Мне казалось, что он хотел сразу поехать в банк.

– Как вы считаете, он мог из-за этого решиться на самоубийство?

– Я не знаю. Но полиция говорит, что это было самоубийство.

– Нет, не полиция, как вы считаете?

– Не знаю, – растерялась Ингрида, – у нас все говорили, что Краулинь не мог такое сделать. Но я сама все видела. И в доме никого, кроме нас, не было.

– И вы ничего подозрительного не заметили?

– Нет. Ничего. Но Лилия нам не верила. Она до сих пор считает, что ее мужа убили.

– Понятно. Когда погиб Арманд Краулинь, главой фирмы стал его заместитель? Верно?

– Правильно. Нам было очень тяжело, но Пиесис очень много работал. Он сохранил фирму.

– Вы работали секретарем Арманда и должны были знать его лучше других. У него были враги?

– Врагов не было. Но были люди, которые его не любили. Многие не любили. Он ведь всегда говорил то, что думал. А это многим не нравилось. Когда все писали, что у нас была оккупация, Арманд выступал и говорил, что это неправ-

да. Когда все ругали советскую власть, он говорил, что было много плохого, но и много хорошего.

– Наверное, справедливо, – заметил Дронго.

– Тогда нельзя было такое говорить, – убежденно заявила Ингрида, – и сейчас нельзя.

– Ну, это не совсем враги. Это скорее люди, расходящиеся с ним в своих политических взглядах. А других врагов не было? Может, вы кому-то еще были должны или вам были должны?

– Таких врагов не было, – твердо ответила Ингрида.

– Вы видели записку, которую он написал?

– Да, она лежала на столе, и я ее прочла.

– Что там было написано?

– «Мне очень жаль». Я и сейчас это помню.

– Это был его почерк?

– Конечно. Они потом отправили записку на экспертизу.

Это был его почерк.

– Где на листе были написаны эти слова? Сверху, в середине, внизу, где?

– Сверху. На самом верху. У него был очень хороший почерк, я его сразу узнала.

– На большом листе фраза была написана на самом верху? – уточнил Дронго.

– Да. Он написал «Мне очень жаль». И поставил точку. Я сама это видела.

– Вы должны были знать манеру его письма. Как обычно

он писал письма? Сразу начинал сверху или чуть отступал?

– Сразу сверху, – ответила Ингрида.

– Вы видели это письмо. Вспомните, может, он хотел еще что-то дописать. Может, он собирался написать большое письмо?

– Но там была точка.

– Забудьте про точку. Скажите – такое могло быть?

– Да. Но он больше ничего не написал.

«Упрямый нордический народ эти латыши», – подумал Дронго с некоторым сарказмом. Они верят только фактам и не хотят допускать никаких предположений. Может, так и нужно? Ведь он сам тоже исповедовал принцип Оккама: «Не умножай сущее без необходимости».

– У него могли быть связи на стороне?

– В какой стороне? – не поняла Ингрида.

– У него могли быть любовницы?

– Нет, – она испуганно всплеснула руками, – нет, нет, никогда. Он так любил свою жену. Вы знаете, он очень нравился женщинам, но никогда не изменял своей Лилии. Нет, такого не могло быть.

– Все ясно. Какая у него была машина, вы не помните?

– Конечно, помню. Две машины. «Мерседес» и «Рено».

Но этих машин у Лилии нет. Она отдала их дочери Арманда Лайме.

– Вы были знакомы с Лаймой? Она приходила к отцу?

– Только один раз. Что-то просила. Я слышала, как они

разговаривали.

– Он выполнил ее просьбу?

– Не знаю. Но она ушла очень довольная.

– И еще один вопрос. Вы поднялись на второй этаж вместе с Рябовым. У него был протез на ноге? Ему ведь трудно было быстро подниматься?

– Не быстро, – согласилась Ингрида, – очень медленно.

– А сам Рябов мог убить вашего бывшего шефа?

– Нет, – ответила она, снова испугавшись. – Он совсем старик был. Нет, нет! И он не справился бы с Армандом. Такого не могло быть.

– Понятно. – Дронго еще раз посмотрел на ее фотографию в молодости. Неужели и сам он также сильно изменился за последние годы? Или сами мы не замечаем этих изменений? – Спасибо вам, Ингрида, – поднялся Дронго, – простите, что вас побеспокоил.

– Ничего, – легонько вздохнув, ответила она. – Я слышала, что Лилия тяжело больна. Мне ее так жалко! Они так любили друг друга. И она никогда не верила в его самоубийство.

Дронго вышел из дома, вернулся на станцию. Его наблюдателя нигде не было. Он сел в электричку, направляющуюся в Ригу, и почти весь путь обратно переходил из вагона в вагон и даже сменил электричку, выйдя на одной из промежуточных станций. Все было в порядке, никаких наблюдателей нигде не было. «Старею, – подумал Дронго, мрачно вспоминая портрет молодой Ингриды. – Наверное, показалось».

Он даже не мог предположить, какие события ждали его
впереди.

Глава 4

Пообедав в отеле, Дронго решил, что может поехать на встречу с Интом Пиесисом. На часах было уже около пяти. Достав телефон, он набрал уже знакомый номер Лилии Краулинь. На этот раз ему ответил незнакомый мужской голос, говоривший по-латышски. Дронго нахмурился, неужели она ему что-то не сказала? И поинтересовался, с кем говорит.

– Вы меня не узнали, – перешел на русский племянник Лилии. – Она сейчас спит, а мы приехали с моей матерью ее навестить. Подождите, моя мама хочет с вами поговорить.

Трубку взяла старшая сестра Лилии.

– Здравствуйте, – сказала она по-русски. Очевидно, в семье Лилии одинаково хорошо знали оба языка. – Это говорит ее сестра Дорика. Мне Лилия говорила о вашем приезде. Мы не хотели ее отговаривать, раз она так решила. Но вы понимаете, что это ненужное расследование. Оно закончилось много лет назад. Бедный Арманд, наверное, не сумел выдержать давления, которое на него оказывали. И поэтому принял такое решение.

– Какое давление?

– Он был бывший комсомольский секретарь, а у нас после девяносто первого таких людей не очень любили. Вы меня понимаете? Ему постоянно напоминали, что он был в партии и комсомольским секретарем. Это немножко неправильно,

но так у нас было. А Лилия не хочет примириться с его смертью. Она очень больна. Очень сильно. И не сможет с вами никуда ходить. Вы ее не мучайте. Скажите, что будете вести ваше расследование – как это по-русски? – самостоятельно. Без нее. Ей лучше не выходить из дома.

– Я это и собирался сказать, – пробормотал Дронго. – Вы не знаете, как мне найти Инта Пиесиса?

– Знаю. Но вам не нужно ему звонить. Никто не виноват, что так случилось. У нас была такая обстановка. Не нужно беспокоить людей.

– Извините, – возразил Дронго, – я приехал сюда не для того, чтобы гулять по Риге. Я дал слово.

– Это не обязательно.

– Обязательно. У меня есть некоторые факты, которые кажутся мне подозрительными. И я обязан их проверить.

– Проверяйте, – согласилась Дорика, – но не мучайте мою сестру. Я вас очень прошу. Ей так мало осталось жить.

– Хорошо, дайте мне телефон и адрес Пиесиса.

– Они переехали. Раньше они занимали большой офис на улице Гертрудес. Вы записываете их номер телефона?

– Да, – ответил Дронго, хотя предпочитал запоминать. Почти все номера телефонов он запоминал мгновенно и часто помнил их много лет. Когда Дорика продиктовала ему номер телефон, он поблагодарил ее и перезвонил Инту Пиесису. Трубку взяла девушка. Он попросил позвать Пиесиса. Девушка уточнила, кто говорит и по какому вопросу.

– Скажите, что я приехал в Ригу по просьбе Лилии Краулинь, – ответил Дронго, – и мне нужно с ним срочно встретиться.

– Как вас представить?

– Дронго. Меня обычно так называют.

Девушка переключила аппарат на другую линию, очевидно, для того, чтобы поговорить со своим руководителем. И через минуту включилась снова:

– Господин Дронго, мы будем вас ждать сегодня ровно в шесть часов вечера. Вы успеете приехать?

– Спасибо.

Он положил трубку. На сегодня достаточно встреч. Завтра ему предстоит еще поговорить с Рябовым и найти следователя Айварса Брейкша, успевшего сделать головокружительную карьеру – стать депутатом парламента. Если завтрашние разговоры тоже не дадут результата, он сможет со спокойной совестью доложить Лилии Краулинь, что это было действительно самоубийство и он не сумел найти никаких фактов, опровергающих эту версию следователей. Никаких, кроме случайно попавшей в стену запонки и неизвестного мужчины, который так настойчиво пытался проследить его путь в Юрмалу. В первом случае возможна случайность, во втором... его собственная подозрительность. Нужно будет убедить самого себя в том, что ничего особенного не произошло.

Около шести часов вечера он вошел в офис бывшей ком-

пании Арманда Краулиня, занимающей целый этаж в новом пятиэтажном доме. Инт Пиесис принял его в своем кабинете. Это был мужчина средних лет и среднего роста. Он был одет в серый, неброский костюм, и его кабинет выглядел довольно скромно. На столе не было привычных фотографий жены и детей, на стенах – дипломов и почетных свидетельств. И сам хозяин кабинета имел удивительно невыразительную внешность: коротко остриженные волосы, прижатые к черепу уши, прямой ровный нос и глубоко посаженные глаза. Идеальный портрет маленького чиновника или бухгалтера. Он спокойно пожал руку Дронго и указал ему на стул, оставаясь в своем кресле хозяина.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Пиесис. По-русски он говорил с очень сильным акцентом.

– Я хотел поговорить с вами о бывшем руководителе вашей фирмы, – пояснил Дронго. – Кстати, почему вы переехали?

– Тот офис был слишком большой. Мы не могли оплачивать такую площадь, – пояснил Пиесис и тут же сам задал вопрос: – А вы журналист?

– Нет. Я эксперт по вопросам преступности. Меня попросили еще раз рассмотреть случившееся и внимательно разобраться.

– Попросила Лилия Краулинь? – усмехнулся Пиесис.

– Не вижу смысла скрывать. Да.

– Она одержима этой идеей. Уже много лет пытается всем

доказать, что ее мужа убили. Сама верит в это и пытается убедить всех нас.

– А вы не верите?

– Раньше не верил, сейчас верю. Вы будете кофе?

– Нет, если можно чай.

– Рита, – позвонил Пиесис, – принеси мне кофе, а нашему гостю чай. Так что же конкретно вы от меня хотите?

– Ваших объяснений. Почему вы сказали, что раньше не верили, а теперь верите?

– Я знал Арманда еще с семьдесят девятого года. Это был сильный, решительный, волевой человек. Он позвал меня работать в нашу фирму, и я с радостью пришел. Мы очень неплохо работали, хотя у нас тогда были большие проблемы. А у кого их не было? Менялись валюты, менялись государства. И эта история с банком... Но с другой стороны, он всех нас заряжал своим оптимизмом, заряжал своей верой. И мы ему верили. Его вообще многие знали в республике, он ведь был секретарем ЦК комсомола, все думали, что он пойдет дальше по партийной линии, а он уехал работать в Швецию на не очень высокую должность. И знаете почему? Он поспорил тогда с партийными бонзами и решил уехать из республики. Ему не нравилась косность их мышления, однообразные подходы. Он хотел перестройки, еще когда о ней никто не говорил. А потом в Швеции и в Финляндии ему стало тесно, очень тесно. Он не мог по-настоящему развернуться. И все время рвался домой. Ему пред-

лагали перевестись в Москву, перейти на дипломатическую работу, а он рвался в Ригу, считал, что будет полезнее здесь. Когда же наконец вернулся в Латвию, здесь уже произошли большие перемены. Он и тогда не смирялся. Считал, что нам нужны конфедеративные отношения. Говорил, что весь мир объединяется, а мы решили развестись. Особенно болезненно воспринимал, когда говорили об «оккупации». Бабушка у него была еврейка, и в их роду сразу несколько человек погибли в Освенциме. Можете себе представить, как он относился к любым проявлениям национализма? Его отец был известный врач, человек широких взглядов, настоящий космополит, хотя в некоторые времена это слово вызывало отторжение. Я знал Арманда и не верил в его самоубийство, не хотел верить, может, так будет точнее.

– А потом поверили?

– Не сразу. Но поверил. И даже не из-за фактов, которые собрали работники полиции и прокуратуры. Консьерж, сидевший внизу, в подъезде, никого не видел. Рядом стояла машина с двумя офицерами полиции. Никого в доме не было, наша сотрудница Ингрида Петерсен сама открыла дверь, взяв запасные ключи у консьержа. Кажется, его фамилия была Рябов. Точно, Рябов. Все факты были против Арманда.

– Вы упомянули про историю с банком?..

– Она тоже. Вы знаете, как возникали банки в начале девяностых? Собирались несколько человек и открывали банк. Не было нормальной законодательной базы, не было ника-

ких законов, не было общих правил. Они появлялись потом. И этот банк, у которого мы взяли большую ссуду, решил поправить свои дела за наш счет. Они выставили немислимые проценты, как это обычно бывает. И еще угрожали подать в суд. Арманд очень сильно переживал. Потом эта история со списками...

– Какая история? – насторожился Дронго.

– Мне об этом рассказывал сам Арманд. Еще в девяностом году было принято решение вывезти из республик весь архив тогдашнего КГБ. Его, конечно, вывезли, но кое-какие документы остались, самые незначительные, было понятно, что агентурных сведений там быть не может. Их бы просто уничтожили. Эти списки долго искали, но ничего не нашли. А потом всплыли какие-то списки, где был указан резерв на замещение некоторых должностей, в том числе и в аппарате КГБ. Если помните, это была тогдашняя практика партийных властей, на каждое место должен быть свой «резерв» из подобранных сотрудников. И в списках стояло имя Арманда на пост куратора правоохранительных служб. Тогда были административные отделы, которые курировали КГБ, прокуратуру, милицию. В общем, ничего страшного, но газеты стали упорно муссировать слухи, что Арманд бывший офицер КГБ. Вспомнили и его работу за рубежом. Его это очень обижало. Он всем говорил, что не стал бы скрывать свою работу в этой организации и не стал бы прятаться. Те, кто его знал, ему верили. Те, кто не знал, верили слухам. Это

на него очень сильно давило. В газетах начали появляться статьи против него. Он их прятал от жены, не давал ей читать. Я даже думаю, что, может, в какой-то момент он просто сорвался. Пришел в дом своего отца и решил на все махнуть рукой. Возможно и такое объяснение. Знаете почему? Арманд даже газеты и письма стал уносить домой, чтобы их никто не читал. И то письмо из банка, которое принесла ему Ингрида, он попросил ее взять домой.

– Я встречался с ней. Она говорит, что он хотел поехать в банк, чтобы разобраться с этими проблемами.

– Я так не думаю. Арманд считал их проходимцами и говорил, что нужно подавать на них в суд. Но все это, вместе взятое, могло привести к нервному срыву. Сейчас, спустя столько лет, я даже лучше его понимаю, чем раньше.

Секретарь внесла чай и кофе. Это была высокая девушка с длинными светлыми волосами.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго.

– Вас ждут, – сказала секретарь, обращаясь к Пиесису.

– Я помню, – кивнул тот.

Пиесис взял чайную ложечку, бросил в кофе два кусочка сахара и размешал их. Дронго от сахара отказался.

– Лилия рассказала мне, что был какой-то странный звонок, – вспомнил Дронго, – говорили насчет каких-то карточек...

– Наверное, насчет кредитных карточек, – согласился Пиесис. – Банк открывал новую линию и должен был выдать

нам новые карточки. Но Арманд действительно нервничал. Не знаю почему. И вообще у нас менялась обстановка каждый месяц.

Дронго ждал, что скажет дальше его собеседник.

– Кто мог подумать, что все так закончится? – словно раздумывая, спросил Пиесис. – Я уже в двадцать четыре года работал инструктором райкома партии. Мы тогда верили в наши идеалы, нам казалось, что у нас впереди целая жизнь. А потом мы все больше и больше разочаровывались. В девяностом году я вышел из партии. Мы в нее уже не верили, никто не верил. Оставались только самые стойкие, самые убежденные, как Арманд. Сейчас я думаю, что он просто не хотел признаваться, что вся его жизнь оказалась напрасной. Он был таким «идейным», как раньше говорили. А оказалось, что положил свою жизнь за никому не нужную идею. Потом всплыли факты расстрелов, депортаций, высылки латышских семей. О многом мы не знали, о многом только догадывались. В общем, я был с Армандом согласен, у нас в прошлом было много хорошего, но и много плохого. Однако тогда, при отделении от СССР, начали вспоминать только плохое. Все, что у людей накопилось за эти годы.

– Я хотел у вас спросить, – вспомнил Дронго, – вы знали такую Яковлеву Сюзанну Силивесторовну? Она, наверное, давно умерла, но, может, вы знали, где она жила в последние годы? Я звонил ей несколько раз, но телефон не отвечает.

– Яковлеву? – переспросил Пиесис. – Конечно, знал. Меж-

ду прочим, она героическая женщина. Такая энергичная и целеустремленная. А разве она умерла?

– Мне говорили, что да. По моим расчетам, ей должно быть за восемьдесят.

– Правильно. Но она жива. Она живет с семьей своей дочери на улице Рупницибас. Это в самом центре города. Там находится здание бывших сотрудников партийного аппарата. Очень большой и красивый дом. Многие оттуда уже выехали, продав свои квартиры. Но она живет именно там.

– Спасибо, – поблагодарил его Дронго, – я обязательно к ней зайду. И спасибо, что вы меня приняли.

– Вы хорошо сделали, что приехали, – вдруг сказал Пиесис. – Лилия все еще живет надеждой, что сможет узнать правду. Она не хочет верить фактам. Или не может. Извините, что я тороплюсь. У меня в приемной сидит журналистка, которая недавно написала о смерти Арманда. Она собирала о нем материал. Если хотите, я ее позову.

– Конечно, – кивнул Дронго.

Пиесис поднялся и вышел из комнаты. Через несколько секунд он вернулся с девушкой, у которой были светло-каштановые волосы, постриженные каре, красивые голубые глаза, фигурка спортсменки. Она была чуть выше среднего роста и удивительно прямо держала спину, словно гимнастка на подиуме. Девушка была в джинсах и шерстяном сером пуловере.

– Знакомьтесь, – представил журналистку Пиесис. – Это

Марианна Делчева, а это господин Дронго.

– Не может быть! – ахнула гостья. – Вы тот самый Дронго?

– Не знаю, о ком вы говорите, – улыбнулся он, пожимая руку Делчевой.

– Я про вас писала, – восторженно сообщила она, глядя на Дронго, – вы один из самых известных экспертов по вопросам преступности. Вы знаете, сколько у вас поклонников в Риге? Ведь о вас слагают самые настоящие легенды.

– Вот уж не знал, что я так популярен, – мрачно проворчал Дронго. Его совсем не устраивала такая широкая известность. Работе эксперта не нужна реклама.

– Вы очень популярны, – заявила Делчева, усаживаясь за стол. – Если позволите, я приеду к вам и возьму интервью. Мне очень интересно с вами побеседовать. Говорят, для вас нет неразрешимых задач. Говорят...

– Это всего лишь слухи, – прервал ее Дронго, – и не «всегда проверенные. Вы писали об Арманде Краулине?

– Да, – кивнула журналистка, – мне было интересно написать портрет человека ушедшей эпохи.

– «Ушедшей эпохи», – повторил Дронго, – в этом слове есть нечто обидное. Вам не кажется?

– Ничуть. Вы же не будете отрицать, что та эпоха закончилась. В ней были свои герои, но и антиподы им. Вот мне и было интересно об этом написать.

– Ему сейчас было бы только пятьдесят пять лет, – вспомнил Дронго. – Вы считаете, что это возраст человека ушед-

шей эпохи?

– Наверное, – рассмеялась она, – мне трудно об этом судить.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять. – Она тряхнула головой. – Вы считаете меня слишком молодой?

– Нет. Я вам немного завидую. В девяносто первом вам было только двенадцать. Значит, многие недостатки той эпохи вы уже не застали.

– Зато успела стать пионеркой, – рассмеялась девушка, обнажая мелкие острые зубы.

У молодых людей бывают красивые зубы, и как-то сразу заметно, что они свои, в отличие от безупречных улыбок любых кумиров шоу-бизнеса. «Нужно посоветовать стоматологам делать не столь безупречные зубы, чтобы они были больше похожи на настоящие», – подумал Дронго.

– Рад был с вами познакомиться, – поднялся он еще раз и протянул ей руку.

– Где вы остановились? – спросила Делчева с настырностью хорошего журналиста. – Я бы хотела с вами еще раз увидеться.

– В отеле «Радиссон». Спасибо за ваши слова. До свидания. До свидания, господин Пиесис. Вы мне очень помогли. Благодарю вас.

Он вышел из здания. Начинался сильный дождь. Дронго поднял руку над головой и вспомнил про улицу Рупницибас.

Кажется, отсюда недалеко. Можно поймать такси, иначе сам он не найдет эту улицу.

Глава 5

Остановив машину, Дронго уселся на заднее сиденье и попросил отвезти его по указанному адресу. Водитель согласно кивнул. И едва они отъехали, спросил:

– Вы там живете или едете в гости?

– Еду в гости, – ответил Дронго. Он обратил внимание на русский язык водителя. Тот говорил с южным акцентом.

– Вы, наверное, не местный, – предположил водитель, – я уже тридцать лет работаю в такси и сразу узнаю, когда человек местный, а когда – нет. А на Рупницибаса это самый известный дом бывших сотрудников партийного аппарата. Вам нужен именно этот дом?

– Да, этот.

– Известное место. Тогда в Риге еще не строили столько домов, сколько сейчас. И таких богачей не было. Посмотрите, какие виллы они построили на нашем побережье.

Дронго не ответил, он смотрел в окно, на спешащих под дождем прохожих.

– Мы приехали сюда в Ригу тридцать лет назад, – продолжал между тем словоохотливый водитель, – у меня мать русская, а отец – азербайджанец. Нас четверо детей и двое разных отцов. Мой отец умер, когда я был совсем маленьким, и мать вышла замуж за туркмена. Она потом шутила, что имела сразу двух мужей мусульман. Как гарем наоборот. Мы

жили в Небит-Даге, затем в Ашхабаде, потом решили переехать сюда. Тридцать лет назад. Тогда здесь было совсем по-другому. Я здесь женился, у меня выросли дети, появились внуки...

Дронго повернул голову и посмотрел на водителя.

– А теперь мне не дают гражданства, – с ожесточением сообщил тот. – А таких, как я, половина Латвии. Они говорят, что мне нужно сдавать специальный экзамен. А я не собираюсь этого делать. Не пойду сдавать никакого экзамена. Я прожил здесь тридцать лет, всегда честно работал, никого не убивал и не грабил, ни разу не был под судом. Почему мне не дают гражданства? Почему они считают меня человеком второго сорта?

Дронго молчал.

– Мы приезжали сюда жить и работать, – горько сказал водитель, – а теперь выяснилось, что все мы оккупанты. И я тоже оккупант. Говорят, что нужно было в свое время уехать в Россию. А кто меня там ждал? Кому я там был нужен? И как мне уехать, бросив дом, семью, детей, внуков? Куда ехать и на какие шиши? Кто мог уехать, уже давно в Англии или в Германии. И молодежь наша уезжает, не может устроиться здесь на приличную работу.

– У вас нет паспорта? – поинтересовался Дронго.

– У меня есть паспорт, что я не гражданин, – ответил водитель. – Вот такая петрушка. – Он повернул налево и мягко затормозил. Затем обернулся к Дронго: – Вас подождать?

– Спасибо, не нужно. – Дронго расплатился и вылез из машины. – Удачи вам, – пожелал он водителю.

– И вам, – ответил тот, довольный оставленными чаевыми.

Когда машина отъехала, Дронго подошел к дому и нашел нужный подъезд. Дверь оказалась с кодом. Он оглянулся по сторонам. Как попасть в этот дом? Рядом никого. Нужно подождать кого-нибудь из соседей безо всякой уверенности, что здесь появится какой-нибудь прохожий в такое время суток. Черт возьми, как все это обидно! Часы показывали половину девятого. Он достал телефон и набрал номер Яковлевых. Никто по-прежнему не отвечал. Но если он правильно помнит, то они жили на первом этаже с правой стороны. И там сейчас горел свет в окнах, выходящих на балкон. Может, попытаться пройти по газону и бросить какой-нибудь камешек на их балкон? А если они не услышат? И вообще, где гарантия, что они по-прежнему живут в этом доме? Ведь прошло столько лет... Пиесис говорил, что Яковлева еще жива. Неужели жива? Она ведь тяжело болела в конце восьмидесятых.

Влезать на балкон, конечно, нельзя. Его просто не поймут и в лучшем случае сдадут в полицию. Он услышал чьи-то шаги и обернулся. К нему подходил молодой человек лет восемнадцати с пакетом в руках. Очевидно, парень ходил в магазин. Было видно, что он несет хлеб, кефир, какие-то продукты. Незнакомец подошел к дверям подъезда, собираясь

набрать код.

– Извините, – шагнул к нему Дронго, – вы не знаете, здесь живут Яковлевы?

– Какие Яковлевы? – насторожился молодой человек.

– Они жили на первом этаже с правой стороны, – показал Дронго.

– Это наша квартира, – ответил молодой человек, вглядываясь в гостя, – а кто вы такой?

– Здесь живет Сюзанна Силивесторовна? – уточнил Дронго.

– Вы из Баку? – вдруг спросил молодой человек. – Я, кажется, вас узнаю. Но мне было тогда четыре года. Я Юрис, ее внук. Вы меня помните?

– Помню, – кивнул Дронго. – А ваша бабушка еще жива? – Он не надеялся услышать положительный ответ.

– Она очень болеет, – ответил Юрис. – Она болеет уже много лет.

– Она в больнице?

– Нет. Сейчас дома.

В такую удачу невозможно было поверить. Юрис открыл дверь, и они вошли в большой светлый подъезд. Поднялись по лестнице и свернули направо. Юрис позвонил, дверь открыла молодая женщина, очевидно, его старшая сестра.

– Это из Баку, – сказал Юрис, называя Дронго по фамилии. Молодая женщина улыбнулась и приветливо кивнула.

– Заходите, пожалуйста. Как вы нас нашли? – Она гово-

рила с заметным латышским акцентом.

– Мне помог Юрис, – улыбнулся Дронго, снимая куртку. Он сильно волновался. В девяносто пятом Дронго пролетал через Ригу и уже тогда был уверен, что подруги его матери нет в живых. Досадуя на себя, что не успел взять цветы или конфеты, он вошел в большую гостиную с балконом. На диване лежала Сюзанна Силивесторовна. Рядом стоял стул с лекарствами, водой, лежали коробочки с таблетками, в общем, обычный набор тяжелобольного и пожилого человека. Но глаза! У нее были прежние глаза – умные, наблюдательные, внимательные, добрые, энергичные. Увидев Дронго, она всплеснула руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.